

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕСЕЛЕНИЙ РОССИЙСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА ЗА 1861–1917 гг. НА ПРИМЕРЕ ЦЕНТРАЛЬНО-ЧЕРНОЗЕМНОГО РЕГИОНА

А.Н. Курцев

Анализ аграрных миграций выявил взаимосвязанный комплекс их специфических признаков: от приобретения массовости с 1861 г. и бедняцкого состава участников, нехватки колонизационных ресурсов при избыточности числа переселенцев, до социоопасных конфликтов к 1917 г. между новоселами и старожилами.

Ключевые слова: крестьянство, миграции, аграрное перенаселение.

Специальные исследования о земледельческих переселениях крестьян центрально-черноземных губерний, охватывающие целую историческую эпоху – с 1861 по 1917 г. – и эволюцию избрания ими регионов вселения, в настоящее время в науке отсутствуют.

Лишь в 1982 г. была выполнена первая профильная работа о переселенчестве и отходничестве, главным образом по Курской губернии [1]. Позднее применительно к воронежской деревне подобный подход повторил И.В. Иноземцев [2].

С 2002 г. коллектив тамбовских и барнаульских историков провел микроисторический анализ переселения тамбовчан на алтайскую территорию в конце XIX – начале XX в. [3]. Межрегиональному изучению сопутствующих факторов переселенческого движения из Черноземного Центра в Западную Сибирь на 1861–1906 гг. посвящено сочинение М.К. Чуркина [4].

На основе многолетней разработки различных источников выявим взаимосвязанную совокупность особенностей переселенчества с 1861 по 1917 г. на примере Центрально-Черноземного региона (ЦЧР) в составе Воронежской, Курской, Орловской, Рязанской, Тамбовской, Тульской губерний, поскольку он являлся самым многонаселенным среди великорусских, численность жителей которого увеличилась с 9,8 млн в 1863 г. до 17,8 млн в 1913 г., т. е. почти вдвое – на 8 млн чел. За 1861–1917 гг. ЦЧР дал наибольшее число участников переселенческого движения на слабозаселенные окраины – до 2 млн чел., включая 200 тыс. ходоков [5, 6].

С 1861 г. в Центральном Черноземье повышение воспроизводства крестьянского населения в условиях растущего малоземелья и избытка трудовых ресурсов, невозможность найти достаточного предложения неземле-

дельческого труда (характерного для Нечерноземья), сильнейшие остатки помещичьего засилья и общее стремление селян к более свободной жизни обусловили массовость их бегства на окраины и бедняцкий состав мигрантов.

К началу XX столетия в губерниях региона размер пореформенного надела на одну наличную мужскую душу в среднем снизился до 2 десятин земли, причем обычно уже выпаханной почвы, дающей низкие урожаи, дефицит выпасов подрывал возможности ведения скотоводства, что предопределяло нищенское существование потомства при экстенсивном ведении крестьянского хозяйства.

Показательны откровения властей Орловской губернии на 1897 г.: «Переселения крестьян вызываются... недостатком земельных наделов, не обеспечивающих вполне платежей денежных повинностей и содержания семьи», а арендовать землю помещиков беднота не способна, главным образом из-за «отсутствия лошадей» [7].

Отзывы самих орловских переселенцев за Уралом гласят, что в основе их исхода в конце XIX в. лежали те же мотивы: «большое стеснение от малых наделов» и непосильность аренды – до 30 руб. за десятину – помещичьих земель [8].

В Центральном Черноземье миграции начались в предреформенную эпоху с эпизодического ухода на аграрные окраины представителей разряда государственных крестьян. Добровольное выселение крепостного крестьянства получило развитие лишь с 1861 г. По отзывам рязанцев, которые «массой» двинулись в Донскую область, на Ставрополье и т. д., «открылась воля; можно было идти на все четыре стороны, – и пошли, кто куда, счастья искать» [9].

Пореформенную судьбу бывших крепостных на родине рисует корреспонденция из Курской губернии за 1896 г.: «Как железным кольцом каким-нибудь охватывает экономия шестью тысячами своих десятин все эти малоземельные деревни – Дурновку, Корсаковку, Козьи Верхи и др. – и штрафует за заходящий скот и даже птицу деньгами, обработкой земли и бесплатной дворовой поденщиной. И не мудрено потому, что крестьяне таких сел бегут из них вон, бегут куда попало, при первой же возможности» [10].

По словам крестьян, осевших в Сибири, «из России – что от тюрьмы ушли», поскольку на родине «ни пашни, ни выпуска, то туда курица попадет, то туда теленок, только за них и работали» [11].

С 1861 до 1896 г. подавляющая масса переселенцев ЦЧР устремлялась в доступные своей близостью слабообжитые районы Европейской России: главным образом в Донскую область, Предкавказье, Новороссию и степное Заволжье; частью в Сибирь, тогда малодоступную из-за своей отдаленности.

По Курской губернии среднегодовое количество лишь регистрируемых мигрантов дало 235 семей за 1860-е гг., в т. ч. уход 96 в 1861 г.; 620 в 1870-е гг. и 1 491 в начале 1880-х гг., в т. ч. 1610 в 1883 г., или рост в 17 раз за 23 года [12].

Массовое движение определял уход беднейших слоев, свидетельствуя о заключительной стадии колонизации окраин. В Курской губернии собрали сведения о более чем 5 тыс. семей, ушедших на окраины за 1877–1885 гг., из которых европейские направления избрали 81,9 %, за Урал же ушли 18,1 %. Среди первых бедная часть (безлошадные и однолошадные) составляла 72,4 %, в т. ч. 3,5 % безземельные и 28,1 % безлошадные; середняки (имевшие в хозяйстве 2–3 рабочие лошади) – 26,5 %; зажиточные (4 и более голов) – 1,1 %.

Указанные группы в сибирском потоке рисуют следующих состав мигрантов: беднейшие – 23,5 %, причем с полным отсутствием безземельных и наличием только 1,5 % безлошадных дворов; среднего достатка – 63,9 %; зажиточные – 12,6 %; что характерно для переходной стадии переселений в осваиваемый район – от начальной их недостаточности до позднейшей их избыточности [12, с. 42].

Орловские переселенцы за 1856–1886 гг. различных направлений состояли на 54,2 % из бедняков, включая 14,1 % без лошадей; средний и высший слои дали 38,1 % и 7,7 % [13].

Совершение таких переселений породило народную практику ходоцкого движения как предварительной миграции с подготовительными функциями, когда группы семей посылали в складчину ходоков на окраины, собиравших там информацию об условиях вселения до выбора приемлемых земельных сделок, а затем выступавших проводниками своих переселяющихся односельчан.

Нужный минимум денежных средств, необходимый для переселения, давала распродажа на родине имущества – от домов до земли, включая латентную продажу общинных наделов под видом сдачи в многолетнюю аренду с завышенной платой, что способствовало развитию оборота земельной собственности крестьян.

В районе вселения взрослые неделями следовали пешком за влекомыми лошадьми крытыми повозками с грузом и детьми. Путь же за Урал вообще длился «и год, и два» с зимовкой в Заволжье и отсевом там бедноты [14].

Собственно переселение аграрного характера представляет взаимосвязь следующих его типичных фаз: выселения и заселения, т. е. соответственно движение из перенаселенных регионов на неосвоенные территории.

Однако Россия с середины XIX столетия переживала завершающий период колонизации окраин, когда первичное заселение стало уступать место локальному подселению – к местным жителям и пришедшим ранее мигрантам, которые заняли плодородные массивы целины, пригодной для обработки. Поэтому позднейшим переселенцам остались истощенные старожилками залежные земли или дремучая тайга и безводная степь.

По данным из Рязанской губернии на 1882 г., «направление переселений играет первостепенную роль в более или менее удачном устройстве на новых местах: почти все выселяющиеся в Уфимскую, Оренбургскую, Ставропольскую и др. губ., кроме Томской, или вовсе плохо устроились – живут в работниках, а если и заводят свое хозяйство, то не иначе как на арендной земле, приписаться же к обществу или купить землю в

собственность им уже не удастся» [14, л. 227-227об].

Даже переселенческие села на казенных участках перестали принимать подселенцев с Рязанщины, в т. ч. ставшее «большим» селение Медведевка (наименовано по братьям-ходокам Медведевым) Самарской губернии теперь «никого не принимает – своих много стало» [14, л. 217-217об.].

За пореформенное тридцатилетие на европейских территориях прочно устроились только ограниченное число ранних переселенцев, что успели получить там казенные угодья, осуществить перечисление в сельские общества местных крестьян, имевших свободные земельные площади, а также немного скупить еще дешевой частной земли. Большинство же вселившихся оказались на положении бесправных арендаторов, в основном казачьей, а также помещицкой и крестьянской земли, сочетая ведение самостоятельного хозяйства с сезонным батрачеством.

В частности, на конец XIX в. из 110 тыс. новоселов Оренбургской губернии, включая 55 тыс. уроженцев ЦЧР, «только 9,1 % прочно устроились в поземельном отношении», в т. ч. на безвозмездно отводимых государством участках.

Однако последние имели низкое качество: люди «рады получить от казны какую угодно землю, хотя бы и неудобную под поселение, но неудобство выбранных под поселение земель, главное – отсутствие проточной воды, скоро дает себя чувствовать. Поживут переселенцы на новой земле год – два, построятся», а затем происходит «почти поголовное бегство с отведенных переселенцам наделов» [15, 16].

Положение остальных было еще хуже, ибо они «поселились на арендованных землях (годовая аренда десятины земли не превышала рубля, но мигрант попадал в зависимость от землевладельца. – А. К.) или поступали в работники», причем «большинство не имеет собственных домов» [16].

Казачьи угодья переселенцам – «иногородним» – вообще отдавали только в аренду, что не помешало одной Кубани к 1897 г. принять 205 тыс. жителей Центрального Черноземья. В условиях же их избытка «станичные общества, преследуя свои выгоды, начали притеснять иногородних, назначая нередко с них плату в непосильном размере»,

запрещая им строить собственное жилье и ремонтировать съемное, не пускать их детей в местные школы и т. д. В черте различных казачьих войск «сотни поселков и хуторов живут и занимаются хозяйством на арендованной земле, не имея ни клочка своей собственной», поставляя казачеству «наемных рабочих на поля, сенокосы, рыбные ловли и в домашний обиход» [14, д. 1427, л. 31, 57, 142].

Подобная ситуация в казачьих областях уже к 1905 г. «создала антагонизм между казаками и иногородними, доходивший иногда до открытой вражды и вооруженных столкновений» [14, д. 1427, л. 119об.].

Одновременно переселенцы «принесли с собой лучшую земельную культуру, усиленную вспашку... и очень тщательную обработку земли», а также «новые севообороты на смену казачьему двухполью и переложной системе» [17].

Но за три десятка лет колонизационный ресурс европейских окраин оказался исчерпан, ибо там «пришлое население с каждым годом все более и более затрудняется в поисках средств к обеспечению своего существования как вследствие уменьшения количества земли, сдаваемой в аренду, так и вследствие сокращения требований на личный труд» [7, д. 1427, л. 20].

Некоторые мигранты, включая курян из Южной России, рискнули отправиться на сибирские просторы [18]. Помимо одноразового повторного оттока зародился даже контингент, многократно практикующий переселения. Так, уже к 1903 г. «едва ли не главную массу первоначальных переселенцев-арендаторов в Тургайской обл. составляли так называемые «самарцы» – по большей части выходцы из тех или других внутренних губерний, переселившиеся первоначально на просторные, в то время, самарские степи, а после того успевшие пожить еще на башкирских или на казенных землях Уфимской или Оренбургской губерний. Но и в Тургайской области очень значительная часть этого рода переселенцев на осталась, да и не собиралась оставаться на постоянное жительство: под названием уже не «самарцев», а «кустанайцев» такие переселенцы появляются потом и в кокчетавских степях, и в туркестанских предгорьях, скоро приобретая везде репута-

цию самого плохого и наименее устойчивого колониционного элемента» [15].

Самые отчаявшиеся возвращались домой, в т. ч. рязанские мигранты из Самарской губернии, хорошо знавшие о будущей участи: «работникам придется жить в людях, их семьям – на чужих квартирах, так как избы самарцев продаются на своз или (по ветхости) на слом, а земля их или сдана на долгий срок, или вовсе продана (четвертная)» [14, д. 4, л. 26об.].

Государственная политика по переселенческому вопросу заключалась в ограничении массовых миграций, периодически сочетаясь с локальными мероприятиями по льготному заселению окраин России.

В 1861 г. был издан закон о переселении крестьян с помощью правительства на Дальний Восток, 1862 г. – на Северный Кавказ, 1865 г. – на Алтай, 1869 г. – в Заволжье и т. д., реализацию которых поспешно прекращали из-за угрозы массового исхода крестьян. Из общих сводов правил от 10 июля 1881 г. и 13 июля 1889 г. об условиях организации льготных переселений только второй был оглашен в деревне, но с исключением ряда положений.

Официальной политике правовых ограничений противостояло самовольное переселение крестьянства, вымывая из региона самых социально активных селян, главным образом из разряда бедноты, т. к. правительство обязало местную администрацию «не допускать переселение семей, кои... по бедности не могут рассчитывать на успешное устройство» на новых землях [14, д. 1205, л. 174об.].

К примеру, «безземельный крестьянин» д. Корочки Суджанского уезда Курской губернии Ф.Д. Кулигин подал в 1890 г. прошение о легальном выселении на казенные земли Сибири. Имущество семьи куриянина (он, жена, двое детей) составляла лишь захудалая изба, источником существования выступали нерегулярные «заработки в соседних помещичьих экономиях». Однако ответ властей гласил: «Отказать, несмотря на безземелие и нужду к переселению, по отсутствию почти всяких к тому средств». В результате Кулигины ушли за Урал нелегальным порядком, что грозило им принудительным возвращением на родину [19].

Среди пореформенных новоселов сибирского направления также доминировало под-

селение, поскольку «готовых мест для селений – самое ничтожное количество: большая часть требует расчистки от вековых сосен и елей. Почва не обещает хорошего плодородия, а разбросанность удобных мест одного от другого почти не дает никаких гарантий для возможности существования плотного и обеспеченного населения». Поэтому, например, тамбовцы «обыкновенно водворяются не в какой-нибудь безлюдной, необитаемой местности, а причисляются к обществам существующих там уже деревень», что «требует больших затрат» [14, д. 4, л. 153, 250].

Следствием стала огромная волна мигрантов в 1896–1900 гг., большинство которых выехали самовольно. Предостережениям, например, тульской администрации в 1897 г. о риске разорения таких мигрантов «крестьяне не верили, говоря, что все начальство хотят от них скрыть всю выгоду от переселения, а скрыть для того, чтобы не остаться без рабочих рук для обработки собственных имений» [14, д. 300, л. 66об.].

Руководство регионов вселения констатировало, что уже к 1897 г. «Западная Сибирь может принять лишь единичных переселенцев, а прочим может предложить для водворения только урманые пространства – лесистые и невозделанные, требующего для своего заселения особой энергии и труда» [14, д. 236, л. 2].

На казенных участках для льготных мигрантов «водворяются только семьи, занявшие лучшие из них; или те, которые не имеют собственных средств и не могут обойтись без пособия».

Большинство самовольцев осели тогда на кабинетских землях Алтайского округа Томской губернии, «где водворение вовсе не разрешается, где переселяющимся не предоставляется льгот и пособий, а причисление к обществам старожилов обходится на семью до 75 руб. и дороже» [14, д. 1205, л. 175]. Первых подселенцев те принимали охотно, делясь землей, позволяя временно снять жилье и постепенно перенимая их передовую агротехнику.

Оборотной стороной массовых выселений явилось обеднение состава новоселов. В 1896 г. по железным дорогам в регионы Зауралья проследовали 1,8 тыс. семей курских переселенцев (76,2 % в Томскую губернию), имевших на родине в среднем по 3,3 десятин

надела на двор. Беднота (безлошадные и однолошадные) выросла до 70,8 %, в т. ч. 10,3 % безземельных и 25,5 % безлошадных; середняки и зажиточные соответственно сократились до 27,2 и 2,0 % [20].

Возвращение множества разорившихся самовольцев из Сибири на родину в начале 1900-х гг. и последующая приостановка официальных переселений за Урал в связи с Русско-японской войной 1904–1905 гг. обусловили длительный спад в ЦЧР миграционной активности (действие переселенческого закона от 6 июня 1904 г. было отложено до 1906 г.).

Новый подъем стихийных миграций спровоцировало постановление Совета Министров во главе с С.Ю. Витте от 10 марта 1906 г. о возобновлении льготного ходачества и переселенчества в Сибирь с выдачей разрешений всем желающим семьям, включая временно и сельскую голытьбу [7, д. 1546, л. 29-47об., 98-99об.].

Однако массовый приезд новоселов оказался не обеспечен ни земельными участками, ни денежными средствами, тем более что бедняцкий контингент достиг небывалого максимума: среди курян до 91,1 %, в т. ч. 24,3 % безнадельных и 39,3 % безлошадных [21]. Поэтому столыпинское правительство с мая 1907 г. вернулось к политике ограничения переселений путем предоставления официального статуса и соответствующих льгот состоятельным лицам и т. п., безуспешно пытаясь остановить бедноту, продающую перед выселением свои наделы и родные избы, чтобы предотвратить ее возвращение домой к полной нищете.

Деревня отреагировала волной самовольцев, обреченных на неустроенность и последующее обратничество. В 1908 г. на 40 тыс. переселенцев и 10 тыс. ходочков из Тамбовской губернии, выехавших в различные районы Сибири, было «назначено 2 000 душевых долей (казенной земли. – А. К.), из них 1000 в Томской губ. и 1000 в Приморской обл.» [22, 23].

В тот же год телеграмма из Петербурга на Курщину гласила, что «свободных участков в Томской губернии нет, посылка ходочков туда будет бесполезна»; казенную помощь обещать только желающим получить наделы в таежных болотах Амурской области». Ответное послание курян было таким:

«Крестьяне не верят должностным лицам, которые по их глубокому убеждению, “тянут руку господ” и удерживают от переселения из опасения лишения землевладельцев рабочих рук» [18, д. 970, л. 18; 24].

Только с 1911 г., когда поток нелегальных переселенцев резко упал из-за массовых случаев обратного исхода крестьян, правительство вновь стало осуществлять свободное заселение Сибири на льготных условиях с обязательным ходачеством, что обусловило последующее оживление выселений. Однако даже весной 1914 г. справочник Переселенческого управления разъяснял крестьянам, что «правительство никого не приглашает переселяться, а заботиться только о том, чтобы оказать возможную помощь решающимся на это дело и чтобы всем были известны правила переселения и льготы, предоставляемые переселенцам». Изложение правил и льгот открывалось следующими предостережениями: «Не переселяйся на новые места, если там не был ходок и не обеспечил вас землей. Не переселяйся, если у вас нет собственных средств на устройство нового хозяйства и мало рабочих рук в семье» [25].

За Уралом больше половины переселенцев ЦЧР завели собственные хозяйства, укрепляя их посредством многолетнего труда на государственной земле. Остальные новоселы, стихийные мигранты, являлись полуплательщиками-полубатраками старожилов и отчасти участников официальной миграции.

Так, к 1910 г. крестьяне Воронежской губернии, ушедшие партией в 176 семей в составе 1,1 тыс. чел. на казенный участок Томской губернии в середине 1890-х гг., добились следующих успехов (сравнительно с показателями их дворов на родине): 9 десятин посева (против 3 десятин) и более 9 рабочих лошадей с дойными коровами (вместо 1 головы).

Судьба позднейших подселенцев в числе 112 семей такова: «Приселение к этому ядру (первым 176 семьям. – А. К.) шло с перерывом на время Русско-японской войны все последующие годы». Часть пришедших – родственников или однообщинников – осела официально, остальные устроились «на задворках самовольно».

Очевидцем особо подчеркнуто, что «отношение к новопривышшим, не имеющим в селе ни родственников, ни однообщинников

по месту выхода, со стороны большинства давно устроившихся крестьян... чрезвычайно напоминает отношение сибиряка-старожила к переселенцу. Забыв о том, что лет пятнадцать тому назад они были в таком же точно положении, давно прибывшие крестьяне и по большей части хорошо устроившиеся свысока смотрят на вновь приезжих, зовут их нищими и лодырями, говорят, что они не умеют работать, спрашивают, нельзя ли каким-нибудь образом от них отделаться» [26].

Другой современник собрал информацию о 9,5 тыс. семьях курян в составе 63 тыс. душ, стихийно осевших в Томской губернии к 1910 г.: «Большинство переселенцев-самовольцев... проживают при старожильческих обществах... ведут хозяйство на арендованной земле... без надежды на приписку», поскольку она возросла до более 70 руб. с души. «Неприписанный переселенец, проживающий в селе, приносит старожилу, а равно приписанному переселенцу массу выгод: дает дешевую рабочую силу, служит потребителем по дорогой цене продуктов, наконец, квартирантом», что порождало нарастающую к 1917 г. напряженность отношений [27].

Масштабный возврат льготных новоселов заставил правительство еще 29 июня 1899 г. издать закон «Об обратных переселениях из Сибири», помогавший им вернуться [28]. Последующий рост обратничества воронежские земцы в 1909 г. объясняли тем, что «с каждым годом переселение, углубляясь в сибирскую тайгу или в безводные степи, требует все больших и больших затрат для разработки земли, а отдаленность этих мест от старожильческих поселений и железной дороги не только лишает переселенца заработка, так необходимого в первое время, он и возможности найти себе приют до постройки хоть какого-либо жилища» [29].

В отношении тамбовчан на 1910 г. указывалось следующее: «Подавляющее число обратных получается из пришедших в Сибирь без разрешения и причинами возвращения, таким образом, для 75 % может служить неимение разрешения на переселение, отсутствии зачисленной заранее земли, отказ в льготах и ссудах» [30].

Поэтому не случайно, что в 1910 г. с Тамбовщины ушли за Урал 5,6 тыс. переселенцев, а обратно прибыли 7,5 тыс. [31].

Оживление выселений к 1914 г. было прервано Первой мировой войной, хотя даже в 1917 г. отток в Сибирь из 6 губерний ЦЧР избрали 69 семейств, но против 197 семей возвращенцев [32].

Таким образом, анализ аграрных миграций из данного региона за 1861–1917 гг. в общероссийском контексте колонизационного процесса и переселенческой политики выявил взаимосвязанный комплекс их специфических признаков: массовое движение с 1861 г. и бедняцкий состав участников, сдерживание выселений правительством и самовольную колонизацию, нехватку земельных ресурсов и избыточность числа переселенцев, развитие повторных и обратных миграций, хозяйственную неустроенность множества новоселов и притеснения старожилов, перенос на окраины к 1917 г. социальных отношений конфликтного характера.

1. Курцев А.Н. Миграция центрально-черноземного крестьянства в капиталистической России (по материалам Курской губернии): дис. ... канд. ист. наук. Курск, 1982.
2. Иноземцев И.В. Миграции крестьян Воронежской губернии в 1861–1914 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2005.
3. Владимиров В.Н., Канищев В.В., Лазарева О.В., Силина И.Г., Токарев Н.В. Источники изучения переселения крестьян Тамбовской губернии в Алтайский округ во второй половине XIX – начале XX в. // Тамбовское крестьянство: от капитализма к социализму (вторая половина XIX – начало XX в.): сб. науч. ст. Тамбов, 2002. Вып. 4. С. 47–63.
4. Чуркин М.К. Переселения крестьян Черноземного Центра Европейской России в Западную Сибирь во второй половине XIX – начале XX в.: детерминирующие факторы миграционной мобильности и адаптации: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Омск, 2007.
5. Общий свод по Империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. СПб., 1905. Т. 1. С. 112–113.
6. Сельское хозяйство в России в XX в. М., 1923. С. 12–34.
7. Российский государственный исторический архив (далее: РГИА). Ф. 391. Оп. 2. Д. 301. Л. 57.
8. Материалы для изучения быта переселенцев, водворенных в Тобольской губернии за 15 лет (с конца 70-х гг. по 1893 г.). М., 1895. Т. 1. С. 293.

9. Григорьев В.Н. Переселения крестьян Рязанской губернии. М., 1885. С. 12.
10. Овсянников М. Из Щигровского уезда Курской губернии (Наши переселенцы) // Новое слово. 1896. № 8. С. 134.
11. Кауфман А.А. Хозяйственное положение переселенцев, водворенных на казенных землях Томской губернии. СПб., 1895. Т. 1. Ч. 1. С. 127, 233.
12. Курская губерния: Итоги статистического исследования. Курск, 1887. Отд. X. С. 13.
13. Белокопский И. Переселения крестьян из Елецкого уезда Орловской губернии // Юридический вестник. 1887. № 10. С. 329.
14. РГИА. Ф. 391. Оп. 1. Д. 4. Л. 227-227 об.
15. Кауфман А.А. К вопросу о заселении казенных земель Самарской, Уфимской и Оренбургской губерний. СПб., 1904. С. 54.
16. Сувчинский К.Е. Переселенцы в Оренбургской губернии // Материалы по статистике Оренбургской губернии. Оренбург, 1889. Ч. 2. С. 3.
17. Пономарев С. Край аферы и спекуляции // Экономический журнал. 1888. № 1. С. 17.
18. РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 970. Л. 9-12.
19. Государственный архив Курской области (далее: ГАКО). Ф. 66. Оп. 18. Д. 26. Л. 146-149.
20. Цифровой материал для изучения переселенцев в Сибири, извлеченный из книг общей регистрации переселенцев, проходивших в Сибирь и возвращавшихся из Сибири через Челябинск в 1896 г. М., 1899. Ч. 1. С. 2-3.
21. Синельников Н. Опыт исследования имущественного положения водворяющихся переселенцев // Вопр. колонизации. 1908. № 3. С. 191-193.
22. Итоги переселенческого движения за время с 1896 по 1909 гг. СПб., 1910. С. 8.
23. Всеподданнейший отчет о состоянии Тамбовской губернии за 1908 год. Б. м., б. г. С. 13.
24. ГАКО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 11003. Л. 63.
25. Справочная книжка ходоков и переселенцев (Переселенцы за Урал в 1914 году). СПб., 1914. С. 2.
26. Федяевский К.К. Удачный опыт переселения группы крестьян // Вестн. Европы. 1912. № 8. С. 300-301, 312-314.
27. Журналы заседаний 46 очередного Курского губернского земского собрания 1910 г. Курск, 1911. С. 917-919.
28. Сборник узаконений и распоряжений о переселении. СПб., 1901. С. 168-169.
29. Журналы Воронежского губернского земского собрания. Очередной сессии 1908 года: 8-20 января 1909 г. Воронеж, 1909. С. 411, 428.
30. Домрачев А. Переселенческое движение из Тамбовской губернии // Известия областной земской переселенческой организации (Полтава). 1910. № 40. С. 16.
31. Итоги переселенческого движения за время с 1910 по 1914 гг. Пг., 1916. С. 2-3.
32. Сельское хозяйство в России в XX веке. М., 1923. С. 32-34.

Поступила в редакцию 4.07.2008 г.

Kurtsev A.N. Peculiarities of Russian peasant migration in 1861–1917. Exemplified by the Central Black soil Region. The agrarian migrations analysis has revealed an interrelated complex of their specific features: from gaining the mass character since 1861 and poor peasant participants, the lack of colonization resources with superfluity of migrant number to socially dangerous conflicts by 1917 between new settlers and old residents.

Key words: peasantry, migration, agrarian overpopulation.